

## Неизвестный Виктор Некрасов

Перед вами глава из книги с необычным названием «Саперлипопет, или Если б да кабы, да во рту росли грибы...» Не ищите в словарях непонятное «саперлипопет» — слово придумал один фантазер-мальчишка, а его младший брат, став писателем и дожив до преклонных лет, вставил в заголовок своего очередного произведения, которое при определенном допуске можно назвать сатирической автобиографией. Многие события, описанные в ней, дотошные историки и биографы назвали бы наглай ложью. Но ведь известно, что художественный вымысел порой ближе к истине, к жизни, чем сухие факты, описанные в строгом соответствии с действительностью.

Не очень понятно изложено? Но что же делать, если автор прибег именно к такому, скажем прямо, редкому литературному приему,

который дал ему возможность создать весьма своеобразное художественное произведение. А автор этот — Виктор Некрасов (1911—1987), прославившийся своей повестью «В окопах Сталинграда». За нее он получил Сталинскую премию. Сталин не только лично прочитал повесть, что уже само по себе было честью,

Премия сделала Некрасова знаменитым и состоятельным человеком. Счастливым же он не стал. Его коробили мерзости тоталитарного режима. Неудивительно, что В. Некрасов занял видное место в стане диссидентов и в 1974 году оказался в эмиграции. «Саперлипопет...» в полном виде у нас в стране не издавался, тем более не печаталась глава о Сталине, которую мы и предлагаем вниманию читателя.

Борис КРОТКОВ.

Раб. трибуна. — 1991. — 18 дек.

# ...ВСЮ НОЧЬ «ГУДЕЛИ» ДО УТРА

Как Иосиф Сталин и сталинградец Виктор Некрасов обмывали Сталинскую премию

В 1947 ГОДУ, на удивление многим, «Окопы» были «лаурированы».

Потом меня спрашивали: — Расскажите, как вам вручали премию. Торжественно? В Кремле? Кто?

Увы, и не торжественно, и не в Кремле, а через окошко МХАТовского администратора тов. Михальского. Он по совместительству был секретарем Комитета по Сталинским премиям.

Я постучал в это самое окошко, к которому с трепетом подходили в студийные еще годы в надежде попасть на «Турбинных».

— На сегодня контрамарок нет, — сказал Михальский, даже не повернувшись в мою сторону, он говорил с кем-то по телефону.

— Мне не контрамарку, а...

— Билеты в кассе. От двенадцати до пяти...

— Нет... Мне это самое... Как его... Диплом, что ли... Он мельком взглянул на меня — фамилия? — и, продолжая говорить по телефону, вынул из шкафа две плоские бордовые коробки — большую и маленькую. Из ящика стола папку, из нее — лист.

— Вот тут, пожалуйста. Распишитесь.

Я расписался и взял свои коробки. В большой был диплом. В маленькой золотая (так говорили) медалька с профилем вождя.

Беседа по телефону при мне так и не закончилась.

С этого момента, точнее дня — 6 июня 1947 года, — все издательства Советского Союза, вплоть до областных и национальных, стали включать книгу в свои планы. Делалось это автоматически: раз лауреат — в план, срочно...

Следствием этого было то, что в парижском «Фигаро» через много лет сообщено было в статье, посвященной только что прибывшему эмигранту, — «личный друг Сталина, член ЦК, миллионер в рублях...»

Миллионером не стал, но какие-то деньжата завелись. Членом ЦК, разумеется, никаким не был, а что касается товарища Сталина...

Вот тут-то и подбехал ко мне, обогнув бел-горюч-камень, большой черный «ЗИС», и выскочивший оттуда моложавый полковник вежливо косынулся:

— Прощу.

— Куда? — опешил я.

— Садитесь, пожалуйста.

Рядом с шофером попрошу. Я сел, и мы поехали.

О том, что Сталин невелик ростом и конопат я, конечно, знал. И то, что «курьезен» и хороший тамада тоже.

Но то, что он встанет из-за стола и пойдет тебе навстречу, кто мог это ожидать? А он встал и пошел навстречу.

— Заходи, заходи, будь дарагым гостэм, — и, взяв под локоток, подвел к креслу возле своего стола. — Садись, садись, сталинградец, потолкуем. Куришь?

Говорил он с акцентом, но небольшим (в дальнейшем читатель пусть сам расцветит его речь, я не буду).

Сталин сел за стол, выдвинул ящик, взял оттуда коробку своей знаменитой «Герцеговины Флор», вскрыл ее и протянул мне.

— Кури.

Папироса долго не выковыривалась, от волнения дрожали пальцы. Сталин заметил, но ничего не сказал. Только что-то вроде улыбки промелькнуло на его губах.

— Между прочим, почему «Герцеговина Флор» называется? Не знаешь?

Откуда я мог знать? Сам всегда удивлялся этому нелепому не «Герцогиня», а «Герцеговина».

— Также не знаешь. Никто не знает. Даже такой умный, как Шкловский, и то не знает. Странно. Очень странно...

Чиркнув спичкой, он долго, попыхивая, прикуривал трубочку, знаменитую свою сталинскую трубочку.

Прикурив, Сталин откинулся в кресле и стал разглядывать меня.

Было одиннадцать часов утра.

ВСЕ ПОСЛЕДУЮЩЕЕ я попытаюсь изложить как можно точнее. Дело нелегкое, с тех пор прошло не более не менее как тридцать пять лет, какие-то детали стерлись, но главное не это, главное — количество выпитой водки. А выпито было много. Сначала вино, потом только водка. Меня это несколько удивило, всегда думал, что грузины не очень-то падки на водку.

Учсть надо еще и то, что

рассказчик, как правило, всегда несколько идеализирует, приукрашивает свою роль и поведение в описываемом событии. Вряд ли мне удастся этого избежать, но, понимая всю значительность того, что я сейчас поведаю, постараюсь быть предельно точным.

Какое-то время Сталин, откинувшись в кресле, рассматривал меня.

Мучительно пытаюсь сейчас вспомнить, какое же чувство я испытывал тогда. Первое, что напращивается, конечно, — страх...

Но, как ни странно, страха не было. Было что-то другое. Черчилль в своих мемуарах писал, что, готовясь к первой встрече со Сталиным, строго-настрого наказывал себе ни в коем случае не идти первым навстречу. Но достаточно было ему, маленькому седому человеку, показаться в дверях, как какая-то неведомая сила толкнула английско-го премьер-министра в спину, и он торопливо пересек весь громадный пустой зал, а Сталин стоял.

Нет, входя в кабинет, я никаких клятв себе не давал. Колени, правда, малость дрожали, когда сопровождающий меня вежливый полковник сказал, открывая передо мной тяжелую, обитую кожей дверь: «Товарищ Сталин вас ждет». Но, кажется мне, вошел я спокойно, не убыстряя шаг, и вот тут-то Сталин пошел мне навстречу. И усадил против себя. И угостил «Герцеговиной Флор». И во всем его облике была только приветливость, только доброжелательность...

Итак, Сталин разглядывал меня. А я его письменный стол. Пытался запомнить предметы на нем — отточенные карандаши в вазочке из уральского камня, маленький самолетик на стальной пружине и большой, зеленый, точно летное поле, бювар. Потом я поднял глаза, и взгляды наши встретились.

И тут он, молчание несколько затянулось, сказал наконец:

— А я думал высокий, широкоплечий блондин, а ты вот какой, да еще с усиками... Так вот, знаешь, чего я тебя пригласил? А? Не знаешь... Со Сталинской премией хочу поздравить! — и неторопливо протянул мне руку.

Я вскочил и, пожалуй, торопливее, чем надо, пожал протянутую ладонь.

— И почему твоя книжка мне понравилась, тоже не

— Ну, чего возник? — не глядя на него спросил Сталин.

— Вы, товарищ Сталин, на двенадцать товарищу Гро-теволю и немецким товарищам назначили. Ждут в приемной.

— Назначил, говоришь? Что ж, точность, говорят, — вежливость королей. И генсеков тоже. Зови. — И повернувшись ко мне: — Немцы, немцы... Фрицы... Вот где они у меня, — он провел рукой по горлу. — Сацыви любите?

Я кивнул головой. — Вечером покушаем. Не оторвешься.

В дверях появились немецкие товарищи. Сталин раздраженно махнул рукой. — Да подождите, куда лезете.

Немцы попятились, беззвучно прихлопнув за собой дверь.

— Книжку мне подпиши. Только без всех этих «ах-ах», понял?

НИКАК СЕЙЧАС не соображу, сколько же мы пропьянствовали тогда. Начали часов в восемь вечера, потом ненадолго разошлись, опять встретились, и закончили вечером следующего дня. Когда, в котором часу?

Началось все в большой столовой у него на даче, в Кунцеве.

Посторонних никого не было. Я и он.

Подали сациви. Действительно, отличное. И лобно, конечно. И шашлык. Карский.

— Люблю карский, ах, — он причмокнул языком. — А мне все курицу, курицу... — он погрозил пальцем уютной, похожей на няню, женщине, которая нам подавала. — Еще раз курицу принесешь, знаешь, куда отправлю?

— Да уж знаю, — проворчала няня.

— То-то же... Так что пить будем, а? «Мукузани» или эту самую, вашу «Московскую»? Ты кем в армии был?

— Капитаном.

— Ай-ай, плохо, значит, воевал, не дотянул даже до майора? В твоём возрасте покойный Якир знаешь, кем был? Командовал Украинским военным округом. Командарма 1-го ранга вскоре получил. А ты... Ну да ладно.

Он разлил вино по стаканам.

— Ну, что? За того, который до победы довел? — и посмотрел на меня хитрым взглядом. — А может, есть другие предложения?

Я что-то провакал, вроде «что вы, что вы»...

Выпили.

— Да, погорячился я тогда, погорячился... Буденный, Тимошенко, мудило этот Ворошилов, первый красный офицер... Им-то и с батальоном не справиться, а я им, дурак, фронты поручил...

И заговорил о первых месяцах войны. И то не так, и это не так, и зачем долговременную линию обороны на старой границе взорвали.

(Продолжение следует).